

Юй Цзыи словно сбрасывал с души тяжкий груз — теперь он отвечал на любые вопросы без утайки:

— Ма Юэ — родственник Сюй Байли. Когда-то он прислуживал у нас в поместье. На Сюй Байли он, разумеется, руку бы не поднял, да только тот был глубоко благодарен моему отцу и наотрез отказался уходить с ним. Вот Ма Юэ и пустил в ход силу.

— Когда-то? — Хуа Тянь мгновенно зацепился за слово. — Похоже, здесь кроется целая история со множеством крутых поворотов.

— Ма Юэ от природы жесток и вспыльчив, — продолжил Юй Цзыи. — В поместье он то и дело затевал драки, но отец терпел его выходки ради Сюй Байли. Так продолжалось, пока этот мерзавец не украл старинные свитки из отцовской коллекции, чтобы сбыть их на черном рынке. Терпение отца лопнуло, и он выставил его вон. Разразился скандал, и, уходя, Ма Юэ поклялся вырезать всю нашу семью до единого человека. Покинув поместье Юй, он подался на гору Шэрао, где прибил к местным разбойникам. Стал выжидать удобного случая... и стоило мне отлучиться по делам, как они ворвались в усадьбу.

Вот оно что! Мотив для убийства прояснился, вполне убедительный. Одним белым пятном в этом деле стало меньше.

— Ну и тварь! Хуже дикого зверя! — процедил сквозь зубы Чжун Ли, едва сдерживая ярость. — Почему ты не донес властям? Или не расправился с ним сам?

— Я пытался, — глаза Юй Цзыи лихорадочно блестели, налившись кровью от бессильной злобы, — но Ма Юэ укрылся на горе Шэрао и окружил ее Формацией Затерянного Розмарина. Любой, кто решится подняться туда, обречен на мучительную смерть в ловушке.

Он сжал кулаки, явно сожалея, что не может прямо сейчас ворваться на гору и лично свершить месть.

— Формация Затерянного Розмарина?! — невольно вырвалось у Лань Цзыцзюня.

— Что такое? Брат Цзыцзюнь, тебе знаком этот барьер? — поинтересовался Хуа Тянь. Это известие явно выходило за рамки его прежних догадок.

— Эта формация устроена невероятно сложно, — Лань Цзыцзюнь на мгновение замялся, подбирая слова. — Огромное переплетение ловушек, где внутри каждого крупного круга скрыты десятки мелких. Развернуть ее не так уж трудно, а вот взломать... практически невозможно.

— Тебе это под силу?

Хуа Тянь попал в самую точку. Лань Цзыцзюнь опустил голову и покачал головой:

— Вряд ли.

— Что за беззаконие! Где справедливость?! — взвился оскорбленный до глубины души Чжун Ли. От переполнявшего его гнева даже клинок в заплочном мешке задрожал, глухо звякнув о ножны. — Безвинно пострадавшие маются в неведении, а разбойник-убийца припеваючи живет на вершине! Да я его на куски изрублю!

— Кхе-кхе... Чжун Ли, ты никак позабыл наш уговор насчет порции навоза? — деликатно кашлянул Хуа Тянь, остужая его пыл.

Угроза подействовала мгновенно. Чжун Ли послушно прикусил язык, отступил за спину Хуа Тяня и принялся тихонько придерживать рвущийся наружу клинок.

— Выходит, этот Ма Юэ — фигура куда более примечательная, чем кажется на первый взгляд, — задумчиво протянул Хуа Тянь, бросая красноречивый взгляд на Лань Цзыцзюня. — Надо же, какие выдающиеся умы плодятся в захолустном Юйяо.

Хуа Тянь тонко намекал на то, что главный, самый первый их вопрос до сих пор оставался без ответа.

Лань Цзыцзюнь мысленно спохватился. Действительно, из-за расспросов о столичных экзаменах, на которых настоял Хуа Тянь, они едва не упустили главное.

— И последний вопрос, — подхватив нить разговора, Лань Цзыцзюнь строго взглянул на подозреваемого. — Зачем ты собирал чужие души?

После долгих блужданий расследование наконец вернулось в прежнее русло.

— Я не пленял их, — ответил Юй Цзыи. Он заметно успокоился, и теперь его голос звучал ровно, словно он говорил о вещах, совершенно его не касающихся.

Хуа Тянь устроился рядом с Сяо Цзяньцзянем. Сделав вид, что его это больше не касается, он уступил ведение допроса Лань Цзыцзюню, а сам погрузился в размышления, сопоставляя новые крупички мозаики.

— Брат Юй, не томи, расскажи все как есть! — не выдержал нетерпеливый Чжун Ли. Сердце у него разрывалось от жалости к несчастному юноше, и ему хотелось как можно скорее очистить его имя от подозрений.

Выслушав горестную повесть Юй Цзыи, Чжун Ли проникся к нему глубоким сочувствием.

Прежняя враждебность испарилась без следа. Теперь великий герой был уверен: даже если этот парень и совершил проступок с душами, у него наверняка имелась на то веская и благородная причина.

Поддавшись порыву, он горячо заверил:

— Ты только не переживай! Мы обязательно доберемся до этого подлеца Ма Юэ и призовем его к ответу!

— Повторяю: я не удерживал души насильно. Я лишь временно помещал их в Мешочек удержания душ, — Юй Цзыи обратился напрямую к Лань Цзыцзюню, рассчитывая на понимание собрата по ремеслу. — Ты ведь сам прекрасно знаешь, что этот артефакт не приспособлен для долгого хранения.

«Пленение» и «временное пристанище» — разница всего в одно слово, но за ней скрывалась глубокая пропасть.

Лань Цзыцзюнь покосился на Хуа Тяня, желая подтвердить правдивость этих слов, однако тот сидел неподвижно, застыв подобно монаху в глубокой медитации, и завороченно вертел в пальцах пустую пиалу.

Лань Цзыцзюнь уже привык полагаться на проницательность своего спутника, и сейчас без молчаливой поддержки Хуа Тяня почувствовал себя немного не в своей тарелке. Тихо вздохнув, он вновь повернулся к юноше:

— Как бы то ни было, души оказывались у тебя. И этому нужно дать объяснение.

— Я не отнимал их, — Юй Цзыи достал из-за пазухи крошечный глиняный флакон и бросил его собеседнику. — Все эти призраки изначально летели в сторону горы Шэрао. Я лишь перехватывал их по дороге.

Лань Цзыцзюнь поймал флакон и вытащил деревянную пробку. Комнату мгновенно наполнило удушливое, тошнотворное зловоние.

Резкий запах вывел Хуа Тяня из оцепенения. Он поспешно зажал нос ладонью, второй рукой прикрывая лицо Сяо Цзяньцзяня.

Чжун Ли с явным опозданием последовал его примеру, шумно отфыркиваясь.

— Это трупный яд, очищенная вытяжка из мертвецов, — бесстрастно пояснил Юй Цзыи. — Он не токсичен.

Брезгливо поморщившись, Лань Цзыцзюнь вернул пробку на место и швырнул флакон владельцу. К подобному колдовству темных еретиков он всегда питал глубокое отвращение.

— И для чего нужна эта... гадость? — гнусаво спросил Хуа Тянь, все еще не решаясь убрать руку от лица. Мерзкий дух никак не желал выветриваться.

— Чтобы подчинять волю усопших, — нехотя ответил Лань Цзыцзюнь. Сам он никогда не опускался до подобных практик, но читал о них в древних трактатах. — Если отравить душу этой субстанцией, то с помощью Мелодии упокоения душ ее можно направлять и контролировать даже на огромном расстоянии.

В глазах Хуа Тяня вспыхнул живой интерес. Опустив руку, он подался вперед:

— Позволь уточнить. Значит, ты не крал эти души, а лишь ловишь тех, кто летит к горе Шэрао, пичкаешь их этим зельем и отпускаешь обратно, позволяя добраться до убежища Ма Юэ?

— Именно так, — подтвердил Юй Цзыи.

— Тогда, если следовать твоей логике, настоящим похитителем душ является сам Ма Юэ?

— Несомненно. Все нити ведут к нему.

— Но зачем разбойнику понадобились души? Откуда тебе вообще стало известно о его делишках? И самое главное: к чему тебе самому сдался этот сомнительный контроль над мертвецами? — так и посыпались вопросы из Хуа Тяня.

Юй Цзыи окончательно потерял терпение от бесконечных вопросов и, не сдержавшись, произнес:

— Откуда мне знать его мотивы! — раздраженно огрызнулся Юй Цзыи. — Я с детства изучаю искусство манипуляции душами, поэтому прекрасно чувствую их пути и колебания. А контроль... Мне нужны были послушные проводники, чтобы пробиться сквозь Формацию Затерянного Розмарина, покончить с Ма Юэ и вернуть Сюй Байли!

При упоминании имени Сюй Байли его жесткие черты лица неузнаваемо смягчились, подернувшись щемящей нежностью. Но мгновение спустя он помрачнел:

— К несчастью, за последние три года все призраки, на которых я накладывал метку, бесследно сгинули один за другим. Связь с ними оборвалась.

Объяснения Юй Цзыи звучали на редкость последовательно и логично. Больше расспрашивать его было не о чем, и Хуа Тянь наконец притих.

Но стоило замолчать одному, как в дело тут же вступил Лань Цзыцзюнь. Действуя слаженно, словно опытные следователи, они поочередно засыпали юношу вопросами, не давая ему опомниться и перевести дух.

Подобный натиск — проверенный временем прием. Быстрая, непрерывная череда вопросов утомляет допрашиваемого, лишает его возможности на ходу сочинять ложь и заставляет спотыкаться на нестыковках в показаниях. От самих же судей это требовало безупречной памяти и предельной концентрации: нужно было не только подмечать малейшие оговорки, но и следить за языком тела подозреваемого — дрожью пальцев, мимолетными взглядами, — соотнося каждую деталь с общей картиной преступления.

— Ты наверняка успел выведать хоть что-то о том, что творится в логове на горе Шэрао, — жестко произнес Лань Цзыцзюнь. — Рассказывай.

Юй Цзыи нахмурился, в его взгляде вновь промелькнуло недоверие:

— Зачем вам это знать?

— Отвечай на вопрос. Твоя очередь расспрашивать наступит позже, — отрезал Лань Цзыцзюнь, пресекая любую попытку перехватить инициативу. В суде подозреваемому не позволяли диктовать свои условия.

Мечтая выведать у Хуа Тяня секрет его чудесного воскрешения, Юй Цзыи все же совладал с собой и после недолгой паузы ответил:

— Насколько я могу судить, Ма Юэ пытается сотворить какую-то темную технику, завязанную на манипуляции душами.

Заметив, что Хуа Тянь недовольно наморщил лоб, юноша поспешил добавить:

— Ранее мне не доводилось встречать ничего подобного. За эти три года к нему в лапы угодило немало призраков, но, видимо, ритуал раз за разом срывался, и плененные души просто рассеивались в небытие. Вот почему ему постоянно требуются новые жертвы.

Лань Цзыцзюнь погрузился в раздумания. Разгадка казалась столь близкой, но расследование вновь совершило крутой вираж, превратив главного подозреваемого в невольную жертву обстоятельств. Тем не менее, если им удастся выяснить истинную цель этих темных ритуалов, загадка исчезновения душ наконец разрешится. Пусть путь к истине оказался тернист, они неуклонно приближались к финалу.

В комнате воцарилось молчание. Похоже, все важные вопросы были исчерпаны.

Сидевший рядом Сяо Цзяньцзянь осторожно потянул Хуа Тяня за край широкого рукава,

призывая наклониться пониже, чтобы шепнуть что-то на ухо.

Хуа Тянь склонился к мальчику, и тот едва слышно прошептал:

— Зачем Юй Цзыи с таким упорством ищет Сюй Байли?

Ведь именно Сюй Байли привел убийцу в их дом, а значит, причастен к гибели всей семьи. Даже если Юй Цзыи не пылает к нему слепой ненавистью, его настойчивое желание отыскать парня выглядело по меньшей мере странно.

— Сяо Цзяньцзянь, из тебя выйдет куда более толковый сыщик, чем из некоторых, — ласково потрепал Хуа Тянь ребенка по макушке, не упустив возможности уколоть Чжун Ли.

Но тот, как обычно, иронии не уловил и простодушно рассмеялся:

— Слыхал, Цзяньцзянь? Господин Хуа прочит тебе великое будущее! Учись у него прилежно, глядишь, со временем выбьешься в знатные чины в Подземном царстве!

Мальчик промолчал, лишь обменялся с Хуа Тянем заговорщическим взглядом.

Озвучив мысль ребенка, Хуа Тянь в упор посмотрел на Юй Цзыи:

— Действительно, почему ты так отчаянно стремишься отыскать Сюй Байли?

Поняв, к чему клонит напарник, Лань Цзыцзюнь тоже выжидающе уставился на юношу.

— Это мое личное дело, — отрезал Юй Цзыи, наотрез отказавшись развивать тему. — К похищенным душам это не имеет никакого отношения, так что я не обязан отвечать.

После стольких расспросов он и сам прекрасно сообразил, что незваных гостей волнует исключительно судьба пропавших в окрестностях Юйяо душ.

— У вас все? Тогда теперь спрашивать буду я, — Юй Цзыи обвел взглядом присутствующих.

Солнце уже вошло в самый зенит. Теплые лучи щедро заливали заброшенный двор, заставляя изумрудный мох на старых плитах ярко сиять жизнью. В этом полуденном свете запущенная усадьба казалась на удивление живописной, ничем не напоминая то жуткое, дышащее смертью пепелище, каким она представала в сумерках.

— Что ж, спрашивай, — устало выдохнул Хуа Тянь.

Они чувствовали себя вконец измотанными. В горле пересохло, а пустые желудки требовали сытного обеда. Совершенно не стесняясь, они на правах хозяев отыскивали в доме пиалы с чаем и чашку сушеных орехов и уселись кругом прямо во дворе.

Видя, что гости расслабились, Юй Цзыи придвинул себе свободный табурет и присел рядом. Со стороны они казались давними приятелями, что ведут неспешную беседу в шумной чайной. Вчерашняя схватка не на жизнь, а на смерть была окончательно позабыта, и даже свежие отметины от клинков на стенах дома больше никого не смущали.

У Хуа Тяня рана на шее затянулась, боль утихла, а с ней улетучились и былые тревоги. Повеселев, он ухитрился выудить откуда-то из закров усадьбы кувшинчик домашнего вина и, не заботясь о его качестве, принялся с упованием распивать его на пару с Чжун Ли — за долгое время воздержания он успел изрядно соскучиться по хмельному.

Лань Цзыцзюнь лишь безучастно созерцал это безобразие: в конце концов, вино было краденым, а не купленным за казенный счет Дифу.

Хуа Тянь шутки ради уговорил Сяо Цзяньцзяня сделать крошечный глоток. Мальчик смешно сморщился, высунул кончик языка и тут же принялся усердно жевать арахис, чтобы заесть непривычную горечь. Рассудив, что это отличное средство от терпкого послевкусия, он начистил целую горсть орехов и заботливо вложил их в ладонь Хуа Тяня.

<http://bllate.org/book/18412/1796481>